

© 2013 г. А.В. ГАНИН

ГЕНШТАБИСТЫ УКРАИНСКИХ АРМИЙ 1917–1920 ГОДОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ И СССР ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1920–1945 ГОДЫ)

В статье на основе документов российских и украинских архивов, в том числе архивов спецслужб, рассматриваются судьбы бывших офицеров-генштабистов украинских национальных формирований, взятых в плен красными или вернувшихся в СССР из эмиграции.

The article based on the documents from the archives of the Russian Federation and Ukraine, including those of secret services, considers the destinies of the former officers of the Geneva Staff of the Ukrainian national units who had been captured by the Red Army or returned to the USSR from emigration.

Ключевые слова: Гражданская война, военная элита, Украина, СССР, Генеральный штаб.

В годы Гражданской войны на территории Украины возникло несколько национальных армий – армия Украинской державы, армия Украинской народной республики, Украинская галицийская армия. Для многих представителей старой военной элиты – офицеров-генштабистов русской армии (выпускников и слушателей Николаевской военной академии) служба в этих армиях была промежуточным звеном между бегством из Советской России и поступлением на службу в одну из белых армий, где выдвигались понятные офицерам старой армии патриотические и государственнические лозунги. Однако было немало и таких, кто после службы в украинских войсках переходил на сторону красных.

На основе подсчетов по разным архивным данным, лояльность украинским формированиям на протяжении Гражданской войны сохраняли только 24% прошедших через них генштабистов. Если сравнить эту ситуацию с аналогичным показателем по Красной армии или Южному фронту белых, то там процент верно служивших генштабистов будет в два с лишним раза выше. Такая картина поведения офицеров связана, прежде всего, с гетманским периодом в истории Украины в 1918 г., когда на украинской территории стремились переждать Гражданскую войну тысячи офицеров старой русской армии, подчас никак не связанных с Украиной, не знавших украинского языка и не разделявших самостийных идей. С уходом немецких оккупационных войск и падением власти гетмана на Украине развернулась полномасштабная Гражданская война, а на офицеров обрушились жестокие преследования со стороны петлюровцев и красных, и в одночасье по-

Ганин Андрей Владиславович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 11-31-00350a2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

требовалось определиться, с кем быть в начавшейся бескомпромиссной борьбе. Вследствие этого офицеры в массовом порядке бежали с Украины в белые армии. Оставались лишь те, кто не хотел ничего предпринимать или разделял идейные установки режима Директории, сменившего гетманский. В итоге многие гетманские офицеры к концу Гражданской войны могли похвастаться настоящим калейдоскопом различных армий в своих послужных списках.

После освобождения территории Украины Красной армией от белых и петлюровцев и окончания в регионе ширококомасштабной Гражданской войны в 1920 г. несколько десятков генштабистов-ветеранов украинских армий остались по различным причинам на советской территории и даже поступили на службу в Красную армию. Несомненно, свою роль играло естественное желание бывших офицеров русской армии, в том числе этнических украинцев, не покидать родину и не скитаться по чужим странам. Некоторых, очевидно, привлекала служба в Красной армии, доказавшей на полях сражений Гражданской войны свою высокую боеспособность. Часть генштабистов оставалась на насиженных местах даже при смене власти. Например, войсковой старшина И.Н. Скорина в годы Первой мировой войны преподавал в школе прапорщиков в Киеве в 1917–1918 гг., несмотря на смену режимов, он продолжал вести преподавательскую работу на том же месте, а в феврале 1919 г. остался в Киеве после ухода войск Директории и, таким образом, попал в Красную армию. Кстати, позднее он смог вернуться к привычной преподавательской работе в Киеве. Схожим образом действовал в период 1918–1919 гг. и Н.Н. Краснов.

Некоторые офицеры были захвачены в плен, а потом поступили в Красную армию. В плен они попадали не обязательно в составе украинских частей и даже порой далеко от Украины. Например, генералы Д.И. Гнида, А.Г. Лигнау, подполковник Б.А. Юрьев были пленены частями 5-й армии на Восточном фронте в Сибири. Генерал М.В. Лебедев сдался в плен на Северном Кавказе в составе Кубанской армии белых. Интересно, что некоторые сразу получали высокие назначения в РККА. Так, бывший подполковник армии Украинской народной республики (УНР) М.И. Иващенко, служивший в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) действующей армии УНР, а затем в должности начальника штаба запасной бригады, после перехода на сторону красных стал начальником штаба 14-й Майкопской кавалерийской дивизии 1-й Конной армии. Бывший генерал Д.Н. Сокира-Яхонтов в 1920 г. в РККА возглавил бригаду 41-й стрелковой дивизии. Командовал этой дивизией другой ветеран украинской армии – бывший генерал В.И. Стойкин.

Как показал на следствии по делу «Весна»¹ бывший войсковой старшина² гетманской армии А.И. Батрук, «более чем десятимесячное пребывание в рядах армии Украины убедили меня в неустойчивости государственной власти, политика которой расходилась со стремлением основной массы населения, и вытекающая отсюда слабость армии привели меня к убеждению, что мое решение, принятое весной 1918 г., было неправильно и поэтому я решил не связывать свою судьбу с У.Н.Р., с ее армией, а остаться в Киеве и ждать прихода Красной армии; понятно, что об этом решении я ничего не говорил своим сослуживцам по Главному штабу. По занятии Киева Красной армией я был, после соответствующей регистрации, назначен на службу в штаб Киевского окружного комиссариата, а затем переведен

¹ В начале 1930-х годов было сфабриковано дело так называемой Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации, получившее наименование «Весна», направленное против бывших офицеров, в ходе которого было репрессировано около ста генштабистов.

² Здесь и далее указываются прежние чины офицеров на украинской службе, даже если позднее в рядах белых армий они получили более высокое чинопроизводство или, наоборот, пошли на понижение, так как белые не признавали украинских званий и принимали таких офицеров на службу по их последнему чину в старой русской армии.

в центральное бюро связи и информации при штабе Наркомвоен Украины на должность помощника начальника названного бюро» [1. Т. 537(616). Л. 42–42об.].

Разумеется, недавних антибольшевиков нельзя было принять в Красную армию без проверки. Нередко подобная проверка в суровых условиях Гражданской войны проходила в форме ареста. Так, 7 мая 1920 г. в Москве Особым отделом ВЧК был арестован бывший полковник Н.Е. Какурин, прибывший в столицу 1 мая. Какурин не был допрошен, ему задали лишь несколько незначительных вопросов. Генштабист жаловался в московский политический Красный Крест. По его словам, «сущность дела заключается в том, что по-видимому особый отдел В.Ч.К.³ инкриминирует мне исполнение должности 2го генерал-квартирмейстера украинского Генерального штаба в начале 1918 г. Дело обещали рассмотреть через 2–3 недели, но до сих пор не допрошен. Поясняю, что должность 2го генерал-квартирмейстера была исключительно административно-научно-хозяйственная, не имела никакого отношения к боевым действиям, и вообще я никогда против России и советских войск, принципиально уклоняясь от борьбы на внутреннем фронте, участия не принимал, в период моей украинской службы все время сражаясь на польском фронте, за что и попал в польском проскрипционном списке, при первой возможности добровольно явился в Москву в Всероссийский главный штаб. В ряде заявлений в Особый отдел В.Ч.К., Всероглавштаб и н[ачальни]ку оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета республики, ходатайствую о разборе моего дела и скорейшей отправке меня на фронт. Арестован и не допрошен уже 2ой месяца.

Прошу выяснить положение моего дела и решение моей участи. Н. Какурин» [2. Л. 3об.].

По освобождению Какурин принял участие в советско-польской войне, где блестяще себя проявил, причем с 24 октября 1920 г. ему был доверен высокий пост командующего 3-й армией.

Некоторым припоминали их прежние прегрешения. К примеру, успевший послужить у украинцев и у красных и оказавшийся в 1919 г. у белых бывший военный руководитель Одесского военного округа Генштаба генерал-лейтенант К.К. Литовцев (Шильдбах) сообщил военно-полевому суду Вооруженных сил на Юге России персональный состав членов Совета обороны Одессы. В результате один из членов Совета был белыми расстрелян [3. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 1318. Л. 2об.]. Из-за этого сам Литовцев позднее оказался в крайне щекотливой ситуации, когда весной 1921 г. был захвачен красными в Сухуме. Военной коллегией Верховного трибунала 3 января 1922 г. он был приговорен к расстрелу, однако приговор был смягчен и уже в ноябре того же года перебежчика освободили.

На данный момент мною установлены сведения о 94 генштабистах украинских армий, оказавшихся в Советской России и СССР после Гражданской войны. 78 из них (в том числе 59 выпускников довоенной академии и 18 окончивших ускоренные курсы академии в период Первой мировой войны, а также один офицер, данные о выпуске которого из академии неизвестны) остались в Советской России по итогам Гражданской войны, остальные приехали или были вывезены в СССР позднее. Среди оставшихся явно преобладали старшие офицеры. Достаточно отметить, что в 1920-е годы в СССР оказалось 38 бывших украинских генералов-генштабистов. Интересно и то, что офицеры, служившие только в украинских армиях (т.е. те, кто формально мог считаться подлинными сторонниками украинского национального движения), среди оставшихся были исключением (только два офицера и еще двое с подобным послужным списком приехали уже из эмиграции).

Существовал небольшой процент тех, кто приехал в Советскую Россию уже из эмиграции. В основном, это были офицеры, разочаровавшиеся в антибольшевист-

³ Подчеркнуто в документе.

ской борьбе и уверовавшие в большевизм, либо не вынесшие тяжелых условий первых лет эмиграции, в том числе пребывания в лагерях интернированных в Польше. Таковых было шесть человек (четыре генерала и два полковника – четыре выпускника довоенной академии и два курсовика соответственно). В 1923 г. в СССР выехал генерал Е.С. Гамченко, прослуживший в украинских армиях с 1918 по 1921 г. с перерывом на время пребывания в 1919–1920 гг. в лагерях интернированных. Примерно в этот же период (1922–1924 гг.) уехали в Советскую Россию генералы П.И. Липко, И.С. Мартинюк, полковники В.В. Корчаков-Сивицкий и В.Ф. Оржановский. Уехал в СССР и генерал С.К. Добrorольский. Судьбы некоторых из них трагичны. Генерал Липко скончался, по некоторым данным, вскоре по возвращении. Гамченко был расстрелян по делу «Весна» в 1931 г., Добrorольский, по одной из версий, в 1930 г. застрелился. Корчаков-Сивицкий умер в 1932 г. в возрасте 44 лет.

По предложению органов ГПУ УССР ветеранов петлюровского движения агитировал возвращаться на родину бывший генерал Ю.И. Тютюнник [4. С. 552], захваченный чекистами в результате спецоперации в июне 1923 г. Среди тех, к кому он обращался, был и видный украинский генерал А.И. Удовиченко – выпускник ускоренных курсов академии. В частности, 23 октября 1923 г. Тютюнник писал ему: «Когда-то Вы писали мне про гарантии. Думаю, что лучшей гарантии, чем моя личная легализация тут, я дать не мог, да и никто другой не может того дать. Дело состоит в том, что тут нас не боятся – не страшны мы [...] Всем, что честно боролись за известные идеи, открыты двери к возвращению и работе на благо своего народа. Говорил я с ответственными чиновниками и про Вас лично, а также про ген[ерала] Загородского и других. Высшая власть на Украине гарантирует Вам и всем своим бывшим честным противникам возвращение и все права граждан Украинской Советской Республики. Дальнейшее будет зависеть от Вас самих. Нечего говорить, что мне будет особенно очень приятно, если в вашем лице, в человеке, которого я всегда уважал, Украина получит одного из своих лучших защитников [...] Тут украинская стихия, тут должны быть и будем мы. Не сомневаюсь в Вашем принципиальном согласии насчет возвращения к работе на Украину» [4. С. 237]. Удовиченко, впрочем, на эти увещевания не поддавался, чем значительно продлил себе жизнь (умер в эмиграции в 1975 г.).

Однако в Россию приезжали не только добровольные возвращенцы. Летом 1921 г. советскую границу перешел генерал В.И. Галкин, но сделал он это не ради принятия советского гражданства, а в целях организации партизанской борьбы против большевиков. Вскоре он был захвачен чекистами и арестован, а в конце января 1922 г. освобожден и с марта 1922 г. служил в РККА [1. Т. 161(220). Л. 221]. Интересно, что в 1920 г. Галкин уже успел послужить в РККА, но поднял восстание против большевиков и увел Украинскую советскую дивизию, начальником штаба которой служил, к петлюровцам. Другой случай произошел с ветераном гетманской армии генералом Д.Р. Ветренко, который вместе с семьей был выслан из Польши в СССР в 1928 г. в связи с обвинением в шпионаже [5. С. 166]. В итоге на территории Советской России и СССР оказались представители практически всех уровней командного состава украинских армий.

Имела место и противоположная тенденция – бегство из Советской России и СССР, практиковавшееся лишь в 1920-е годы, когда контроль над гражданами еще не носил тотального характера. Бежать сумели три ветерана украинских армий: генералы Н.Н. Десино, К.И. Сербинович и М.В. Фастыковский. Генерал Г.А. Мандрыка выехал из СССР в Китай, где впоследствии состоял в украинской колонии Харбина [6. С. 326]. Интересна судьба генерала Фастыковского. Числившийся в украинской армии в конце 1918 г. он затем попал в Красную армию, а в августе 1921 г. бежал в Польшу, однако в июне 1924 г. вернулся на родину, но для возвращения домой ему пришлось стать советским агентом в среде белой

эмиграции (подробнее см. [7]). Наиболее отчаянным из этой группы был генерал Сербинович, служивший в гетманской армии. В конце 1918 г. он был арестован в Петрограде, однако бежал на Украину, поступил на службу к белым и уехал на восток России. Там он был вновь арестован в 1920 г. в Благовещенске, отсидел полгода в тюрьме и совершил новый побег, вновь присоединившись к белым. В конечном итоге Сербиновичу удалось благополучно эмигрировать.

Бывшие офицеры, тем более ветераны антибольшевистских армий, находились в Советской России и СССР под пристальным надзором органов госбезопасности. Мало того, что их среда была плотно инфильтрована сетью секретных осведомителей, бывшие офицеры должны были проходить постоянные регистрации и перерегистрации, причем даже снятие этих офицеров с особого учета оказалось завуалированной формой очередной регистрации, по итогам которой в 1931 г. органами ГПУ УССР для служебного пользования было издано пухлое справочное издание – книга учета бывших белых офицеров, содержащая сведения на 21 000 человек [8].

Положение недавних противников большевиков в СССР в 1920–1950-х годах было незавидным. Причем касалось это как тех, кто производил впечатление заставившихся врагов, так и тех, кто блестяще зарекомендовал себя в Красной армии и, казалось бы, полностью искупил «ошибки прошлого». Отношение к ветеранам петлюровской или гетманской армий в Советской России и СССР было таким же, как и к ветеранам других антибольшевистских армий (включая белые), т.е. враждебным.

Способы выживания во враждебном окружении были различными. Одни, как, например, бывший сотник гетманской армии К.Ф. Монигетти, переходили на нелегальное положение и скрывались под чужой фамилией до тех пор, пока не попадались органам госбезопасности (подробнее о нем см. [9]). Другие, как бывший полковник Н.Е. Какурин, стремились любыми способами встроиться в новую систему. Какурину действительно удалось сделать неплохую карьеру у большевиков. В 1921 г. он вступил в партию и в том же году за участие в подавлении антоновского восстания был награжден орденом Красного Знамени. Подобное награждение для военспеца, всего за год до этого перешедшего к красным из лагеря украинских националистов, где он занимал ответственные посты, было явлением беспрецедентным. В 1922 г. Какурин был награжден бухарским орденом Красной Звезды 1-й ст. за руководство войсками Бухаро-Ферганского района в борьбе с басмачами, получил золотые часы от Тамбовского губвоенкомата и от Бухарского ЦИК.

Разумеется, были и те, кто вынужденно или добровольно шел на сотрудничество с органами госбезопасности. Секретным осведомителем ОГПУ под псевдонимом «Сергеевский» стал бывший генерал Фастыковский. Он имел в своем послужном списке такой вопиющий в советских условиях проступок, как бегство из Красной армии за границу. Вполне естественно, что сотрудники ОГПУ вели наблюдение и за такими секретными агентами, проверяя их лояльность и добросовестность. В частности, работу Фастыковского проверяли не менее шести лет [7. С. 92]. Официально бывший генерал работал в государственном тресте «Русские самоцветы», позднее – в государственном объединении «Минеральное сырье» и доцентом на военной кафедре Московского механико-машиностроительного института.

Чем занимались ветераны украинских армий в СССР? Многие продолжали служить в армии, несмотря на то, что военспецов, даже не находившихся в Гражданскую войну в рядах противников большевиков, из РККА все время вытесняли. Выходом для таких людей стал переход на преподавательскую работу, в том числе в военно-учебных заведениях. В Военной академии РККА преподавали Н.Е. Какурин и А.Г. Лигнау. Бывший войсковой старшина В.М. Гуков преподавал в Севастопольской зенитной школе. Бывший сотник Х.В. Гуртовенко переменял немало

мест работы, в том числе был военруком Нежинского пединститута и главным военруком учебных заведений Нежина. Бывший генерал Д.Н. Сокира-Яхонтов после Гражданской войны стал начальником учебной части Объединенной военной школы имени С.С. Каменева в Киеве, в 1924 г. он был уволен из армии как бывший белогвардеец, поселился в Умани и частным образом преподавал военные науки Г.И. Котовскому. Бывший войсковой старшина М.А. Завгородний преподавал тактику на пехотных курсах в Одессе, а затем в 13-й Одесской пехотной школе. После демобилизации в 1928 г. он стал землемером. Некоторые устраивались в издательства, различные тресты. К.Ф. Монигетти работал в Государственном издательстве, позднее преподавал в Днепропетровском горном институте. И.Г. Баковец работал землемером Киевкоммунхоза.

Преподаватели в силу специфики работы свободное время могли посвящать научной деятельности. Например, Какурин, будучи еще и начальником отдела по истории Гражданской войны при Штабе РККА, внес огромный вклад в изучение истории Гражданской войны. В 1920-е – начале 1930-х годов им был подготовлен и издан ряд фундаментальных трудов по этой теме, а также работ научно-популярного характера. Стоит отметить, что работа Какурина «Как сражалась революция» (М., 1925–1926. Т. 1–2) является до сих пор наиболее основательным обобщающим трудом по военной истории Гражданской войны, а книга «Война с белополяками» (М., 1925; 1930) – наиболее полным исследованием боевых действий советско-польской войны. Военно-научные труды в СССР создал и А.Г. Лигнау

Какурин по службе в 1920-е годы был тесно связан с крупными советскими военно-политическими деятелями М.В. Фрунзе и М.Н. Тухачевским. Кроме того, он был по академии однокашником будущего маршала Б.М. Шапошникова. Военспец обладал и родственными связями в советской военной элите – дочь бывшего генерала А.М. Зайончковского, Ольга, приходилась ему двоюродной сестрой. В качестве секретного осведомителя ОГПУ она почти десять лет доносила на своего кузена. Какурин был арестован в 1930 г. по делу «Весна», причем следователей интересовала компрометирующая информация на Тухачевского, в 1932 г. приговорен к десяти годам лишения свободы и умер в ярославском политизоляторе ОГПУ 29 июля 1936 г.

Однако репрессий не избежали ни сексоты, ни карьеристы-приспособленцы, ни несгибаемые противники режима, готовые на все вплоть до нелегальной борьбы. Пять бывших украинских генштабистов были расстреляны непосредственно в годы Гражданской войны. Известен случай расстрела в 1919 г. бывшего генерала М.В. Баскова, поступившего на службу в Красную армию и служившего начальником оперативного отделения оперативного управления штаба армий Украинского фронта, только за то, что он годом ранее имел неосторожность сфотографироваться с гетманом П.П. Скоропадским [10]⁴. Расстрелян был и генерал П.М. Баранов, взятый в плен на севере России в 1920 г., где он служил после перехода из гетманской армии. Генерал И.М. Васильченко был расстрелян в Крыму. В 1920 г. расстреляли генерала А.П. Ревизишина. Возможно, расстрелян был и генерал И.В. Свирчевский, захваченный в Крыму. Полковник С.Д. Григорьев был в мае 1921 г. арестован Омской ГубЧК за службу в армиях Скоропадского, Деникина и Колчака, а в июле того же года расстрелян.

⁴ Данные о судьбе Баскова в различных документах расходятся. По одним данным, он действительно был расстрелян Киевской ЧК в конце марта 1919 г. [3. Ф. 6. Оп. 4. Д. 922. Л. 39]. По другим сведениям, пропал без вести при эвакуации красных [3. Ф. 11. Оп. 5. Д. 69. Л. 38]. По всей видимости, сведения о расстреле все же соответствуют действительности. Во всяком случае, 23 августа (5 сентября) 1919 г. белыми в Киеве было выдано удостоверение вдове убитого большевиками Генштаба генерал-майора Баскова Вере Андреевне с сыном Борисом 14 лет и дочерьми Надеждой 13 лет и Верой 10 лет, которые отправлялись в Таганрог [3. Ф. 39694. Оп. 1. Д. 74. Ч. 1. Л. 361].

Последующие репрессии можно разделить на несколько волн. В начале 1930-х годов развернулось печально известное дело «Весна», которое в немалой степени затронуло бывших украинских генштабистов. По этому делу были расстреляны бывшие генералы Е.С. Гамченко, М.В. Лебедев, В.И. Стойкин, войсковые старшины А.И. Батрук, М.А. Завгородний [1. Т. 2513(2959). Л. 156об.], сотник К.Ф. Монигетти. Арестованы бывший генерал А.А. Рябинин, уже упомянутый полковник Н.Е. Какурин, войсковые старшины И.Г. Баковец, А.И. Вольский, В.М. Гуков, Н.А. Самойлов, сотник К.В. Толмачев. Многие из репрессированных до ареста состояли на преподавательской работе.

Положение оклеветанных военспецов было трагическим. Во время допроса бывший гетманский и петлюровский генерал М.В. Лебедев, считавший себя по происхождению украинцем, прямо заявил, отвергая обвинения в причастности к контрреволюционному подполью: «Чего бы я мог ожидать даже при успехе интервенции – только расстрела, как офицер Генерального штаба, 12 лет служивший в Красной армии и подготавливавший ее боеспособность» [1. Т. 2417(2852) Л. 34об.].

Интересна присутствующая в показаниях арестованных оценка (пусть вынужденная) периода их службы в украинских армиях. Так, А.И. Батрук показал, что «в то время у меня не было определенно установившейся политической установки, и я действовал под влиянием тех импульсов, почвой для которых была моя прошлая жизнь» [1. Т. 537(616). Л. 42об.]. Арестованные старались либо скрыть, либо приуменьшить свою службу в антибольшевистских армиях. Бывший украинский войсковой старшина Н.А. Самойлов, находившийся в 1918–1919 гг. в гетманской и петлюровской армиях, а затем до 1920 г. служивший на Белом Юге, в анкете отметил, что служил в Красной армии с мая 1918 г. [1. Т. 130(184) Л. 125об.]. Бывший украинский войсковой старшина А.И. Вольский, служивший в украинских войсках в 1918–1919 гг., заявил, что был только взят на воинский учет как генштабист, но из-за грудной жабы получил полугодичную отсрочку от службы, чем «избежал службы при Петлюре, к власти которого я чувствовал глубокое презрение» [1. Т. 678. Л. 18], после чего добровольно поступил в Красную армию. Генерал Е.С. Гамченко, не скрывая своей службы в армии УНР, заявил, что приехал на Украину из Германии якобы, чтобы дожидаться прихода советских войск и лишь вынужденно попал в украинскую армию [1. Т. 3099(953). Л. 71]. Бывший генерал М.В. Лебедев, служивший у гетмана, Петлюры и Деникина, свидетельствовал: «В 1917 году в сентябре заболел нервным расстройством, я был отпущен в Одессу, где и лечился. Не имея средств для содержания жены, я в 1918 году поступил в техническую мастерскую при Одесском университете токарем по металлу. Когда гетман запановал на Украине и немцы стали расправляться с крестьянами, я отозвался на зов Петлюры восстать против гетмана и поступил в его армию начальником штаба корпуса. Однако, когда выяснилось, что и Петлюра тоже борется с народом, я бежал из его армии на поезде в Одессу. Как только туда пришла Красная армия в феврале 1919 года, я добровольно пошел в штаб 3-й Красной армии, где и просил какую угодно должность. Желая использовать меня как спеца, меня назначили в штаб армии начальником административного отдела» [1. Т. 2417(2852). Л. 30]. Следует учитывать, что это машинописный вариант показаний, содержащий значительные пропуски и искажения в сравнении с рукописным. В последнем Лебедев отметил, что обратился к своему старому знакомому, начальнику штаба Петлюры генералу А.В. Осецкому и в ноябре 1918 г. с его помощью устроился начальником штаба Винницкого корпуса. Позднее, разочаровавшись в Петлюре, бежал из Жмеринки в Одессу.

Откровенные показания дал Н.Е. Какурин. Он отметил, что с началом революционных событий не знал, к кому присоединиться, зачислился в какой-то ко-

миссариат, «чтобы не оказаться нетчиком⁵ или дезертиром» [1. Т. 54(72). Л. 20], в период наступления красных на Киев в январе 1918 г. «отсиживался дома в штатском [...] не скрою, что приход армии Муравьева в Киев и ряд стихийных эксцессов, имевших там место, внушили мне большой страх к большевикам и на время уничтожили желание ближе познать их. Думалось, что это разбушевавшаяся стихия, в некоторых своих проявлениях могущая внушить отвращение» [1. Т. 54(72). Л. 20–20об.]. Украинское движение, наоборот, произвело на офицера впечатление народного, к которому он и присоединился: «Страх перед большевиками был и территориально был привязан к Киеву (семья), и ни на Дон, ни к добровольцам твердо решил носу не совать. Политическое развитие шло у меня постепенно, как я уже сказал, начал думать, что украинское движение в оформлении и возглавлении тогда Рады и представляет какое-то народное движение. Правда, Рада выбросила лозунг самостоятельности, но мыслилось, что в конце концов этот лозунг отживет, как одно из конъюнктурных исторических явлений, мыслилось, что и Советская Россия как-то трансформируется – возникнет из всего хаоса какая-то общедемократическая власть. Поэтому, когда мне предложил А.В. Сливинский (которого я до того времени не знал) и подполковник Румянцев вступить на службу, я не отказался, при условии, что работать буду не на боевом или оперативном фронте, а на такой работе, которая избавит меня от необходимости участвовать в войне между братскими народами, к которой тогда у меня было сильное отвращение еще даже подсознательное. Было и другое соображение. Мыслилось, что при отказе всех от службы, насадят туда немцев, и тогда уже слияние двух братских ветвей пойдет труднее, а здесь при условии, что мы займем места на службе, быть может, косвенно, мы будем служить будущему объединению различных кусков некогда общего тела и быть может этот процесс пойдет глаже. Но, повторяю, что все это рисовалось как бы в тумане тогда. Я считал лично, что для России вообще особого вреда от этой работы, а именно на должности 2-го квартирмейстера, которую мне дали, быть не может, так как никакой организации украинской армии украинскими или русскими руками немцы все равно сделать бы не позволили, а поэтому творчество штатов будущих частей, разработка их будущей дислокации, перевод и сочинение уставов, списки Ген[ерального] штаба и пр. – все это носило формы довольно невинного бумажного творчества. Наконец, было и третье – просто хотелось отсидеться на месте, разобраться в обстановке. Я не исключал, конечно, трудностей: придется делать известный компромисс в виде некоторого, быть может, контакта с немцами, но иного выхода не было. Ведь, если бы я не пошел, могла быть и просто альтернатива, что меня выгнали бы куда-нибудь из Киева. Этот мотив, конечно, тогда при мало развитом политическом сознании, конечно, где-то в подсознании давал себя очевидно знать [...] Я должен оговориться, что в то время это будущее восстановление целостности государственной территории представлялось мне еще и не в формах советской, но отнюдь и не в формах белогвардейской России и не в виде какой-либо хотя бы ограниченной монархии, а в виде демократического объединения федеративных и автономных республик и областей» [7. Т. 54(72). Л. 21–21об.].

Причины поступления в галицийскую армию в конце 1918 г. Какурин объяснил следующим образом: «Я выбрал противопольский фронт, который, главным образом, состоял из галицкой армии, так как Галичина объявила свою независимость тотчас после австрийской революции и частично этот фронт на своем правом фланге, на Вольни, должен был состоять из украинских войск. Поступая так, я считал, что этим своим действием я не приношу вреда ни будущим Украине, ни России, когда окончательно оформятся их отношения, потому что мыслилось мне, им все равно придется бороться с экспансией Польши на восток; толкали меня на

⁵ Нетчик – тот, кто находится в бегах.

этот шаг мои тогдашние патриотические побуждения. Кроме того, мне мыслилось, что Галичина со временем ходом истории будет приведена в единое русло будущей России» [1. Т. 54(72). Л. 25].

Вспоминая о переходе в Красную армию весной 1920 г., Какурин отмечал: «Твердых оформленных политических убеждений, которые можно было бы называть советскими у меня тогда еще, по совести говоря, не было, но, предлагая свои услуги для борьбы на польском фронте, я, как теперь себя анализирую, исходил по существу из прежней установки и видел в Красной армии, наконец, ту армию, которая явилась для меня действительной русской армией, значит, я тогда действовал еще из чисто патриотических убеждений» [1. Т. 54(72). Л. 27об.].⁶ Основным стремлением Какурина тогда было искупить вину за службу в украинских войсках и проявить себя на фронте советско-польской войны с лучшей стороны, причем военспец был поражен доверием, которое ему сразу оказали в Советской России.

Бывший генерал В.И. Стойкин указал в своей автобиографии: «Уехал в отпуск в г. Киев, где получил приказ о демобилизации армии и остался в г. Киеве. При приходе немцев и Центральной рады получил приглашение от военного министров. Жуковского занять место Главного начальника снабжения. При Гетманском перевороте оставался на этом месте недолгое время и был “усунут с посадки як не прихильний до Гетманской влади”⁷. Затем был приглашен фирмой “Товарищество внутренней и внешней торговли” на должность директора-распорядителя. При приходе Петлюры ликвидировал дела фирмы и поступил артистом на сцену. Играл на сцене около 9 месяцев в советских театрах. Приказом т. Троцкого был мобилизован и отправлен сперва в Киев в штаб 12 армии, а затем в Юг[о]-зап[адный] фронт. Куда не доехал, так как попал к белым в плен у ст. Конотоп. Был 4 месяца под судом за службу в Красной армии. По оправдании направлен начальником связи в Галицийскую армию, где пробыл около 10 дней. По переходе Галицийской армии на сторону красных был со всей связью арестован и посажен в Одесскую тюрьму. После разбора моего дела Одесской Ч.К.а, был направлен в штаб 14 армии в распоряжение Командарма 14» [1. Т. 3065(1919). Л. 11–11об.].

В ходе следствия на арестованных оказывалось давление, применялись пытки. И.Г. Баковец в заявлениях на имя Генерального прокурора УССР, а также в Верховный суд СССР и Прокурору по делам ОГПУ впоследствии написал, что его сажали в одиночную камеру на голодный паек, на котором с 30 октября 1930 г. он находился два месяца и семь дней, угрожали расстрелом при отсутствии «раскаяния» и обещали освобождение в случае чистосердечного признания, а истощенного голодным пайком в январе без теплой одежды сажали в «холодный пункт», потом сажали в «жаркий пункт», в еще одном «пункте» слушатели высшей школы милиции пять суток избивали Баковца при малейшем шевелении или дремоте [1. Т. 1322(1151). Л. 114, 118, 119].

Баковец отмечал: «Тов. Мицул сам лично свел меня 9/1 1931 г. на “холодный пункт № 1”. Я был одет по-летнему и, имея от истощения нарывы, которые разбухли от холода, я не выдержал пункта, через двое суток попросил вызвать меня к следователю. Следов[атель] Мицул потребовал от меня немедленно написать “раскаяние”, иначе опять отправит на пункт. Идти на пункт я не мог и, находясь в безвыходном положении, я написал раскаяние в той форме, какую мне продиктовал тов. Мицул, и только после этого я был отправлен в Допр⁸. 11/1 [1931 г.] из Допра я послал следователю отказ от моего вынужденно-ложного показания.

⁶ Публикацию протоколов допросов Какурина см. в [11. 1999. № 1–2 (10–11)].

⁷ Устранен с должности как не приверженный гетманской власти.

⁸ Дом предварительного заключения.

13/1 я был вызван снова тов. Мицулом, который изорвал мое показание-отказ и потребовал подтвердить “раскаяние”, от чего я отказался и был отправлен на другой пункт. Я не вынес второго пункта и через несколько суток снова оклеветал себя, подтвердив первое раскаяние.

16/1 я был снова вызван на допрос. Тов. Мицул сказал, что в моем раскаянии “много воды” и потребовал переделать его; в этот раз тов. Мицул назвал меня “нач[альни]ком штаба к[онтр]р[еволюционной] организации” и требовал описания моей работы в этой должности. Я отказался от дальней[шей] клеветы на себя, сказав, что, если меня уж так нужно расстрелять, чем мне все время угрожает след[ователь] Мицул, то для этого достаточно моего первого раскаяния. После такого заявления тов. Мицул направил меня на пункт № 4, где я просидел четверо суток, а на пятые сам попросил вызвать меня для перевязки ран. И в этот раз я отказался развивать мое ложное показание и просил делать со мной, что угодно, только больше не мучить. Тогда тов. Мицул, крикнув: “Я сам буду настаивать на расстреле тебя”, отпустил меня и больше не вызывал» [1. Т. 1322(1151). Л. 114–114об.].

Некоторые бывшие офицеры прошли через несколько волн репрессий, были и такие, кто арестовывался в каждую из репрессивных кампаний. Например, И.Г. Баковец, арестовывавшийся в 1930 г. и в 1939 г., А.Г. Лигнау и А.А. Рябинин, арестовывавшиеся в 1931 г. и в 1937 г. Д.Н. Сокира-Яхонтов был арестован в 1933 г., сослан в Алма-Ату, а в 1937 г. снова арестован. Свою роль в репрессиях играли свидетельства бывших сослуживцев по украинским войскам. Так, например, на комбрига А.Г. Лигнау как на немецкого шпиона дал показания бывший австрийский генштабист майор В.В. Лобковиц, в прошлом офицер Украинской галицийской армии, позднее служивший в РККА [1. Т. 59(77). Л. 175] (подробнее см. в [12]). К сожалению, документы об этой волне репрессий почти не доступны для изучения.

Сильнее пострадали украинские генштабисты в ходе большого террора второй половины 1930-х годов. Тогда были расстреляны бывшие генералы А.Г. Лигнау, Н.П. Сапожников, М.В. Фастыковский, К.К. Шильдбах-Литовцев, войсковые старшины К.Ф. Бородич, С.Ф. Подгурский, сотники А.Х. Андерсон, Х.В. Гуртовенко, В.А. Куприянов. Умерли в заключении бывшие генералы А.А. Рябинин и Д.Н. Сокира-Яхонтов, полковник Н.Е. Какурин.

Наконец, еще одна волна репрессий была связана со Второй мировой войной. Восемь бывших украинских генштабистов были депортированы в СССР в период Второй мировой войны и после нее. Часть из них попала под аресты 1939–1940 гг. на присоединенных к СССР территориях Прибалтики и Западной Украины: бывший военный министр УНР генерал А.С. Галкин, полковник М.М. Лазаренко-Дедковский, подполковник А.И. Парв. Другая часть вывозилась в 1945 г. и позднее из освобожденных Красной армией стран Восточной и Центральной Европы: еще один бывший военный министр УНР генерал А.П. Греков, начальник Генштаба УНР генерал В.А. Синклер, генерал П.К. Ерошевич; полковники Н.Н. Краснов, А.Л. Мариюшкин, А.М. Шкеленко. Все депортированные были выпускниками довоенной академии. Участь многих из них оказалась печальной. Ко времени Второй мировой войны это были уже немолодые люди с расшатанным здоровьем. Генералу Галкину, например, в 1939 г. было уже 73 года, генералу Грекову ко времени ареста осенью 1948 г. шел семьдесят третий год, причем он был австрийским подданным (но, как оказалось, австрийское подданство он принял только в 1946 г., чтобы избежать депортации в СССР [13. Л. 81]). Сам Греков был удивлен тем, что его задержание произошло лишь на четвертый год советского присутствия в Австрии, причем за деятельность тридцатилетней давности [11. 2004. № 1/2(22/23). С. 191].

В ряде случаев депортированным инкриминировались реальное сотрудничество с нацистами и активная антисоветская деятельность. Генерал Греков был сторонником украинского национализма, что не скрывал от следователей. В частности, вспоминая о Гражданской войне, он прямо заявил, что не разделял идей большевизма и «в тот период я твердо решил вести борьбу против большевиков за создание самостоятельной соборной Украины» [13. Л. 34]. До 1922 г. он сотрудничал с польской разведкой, позднее написал несколько писем Гитлеру, где восхвалял нацизм, сотрудничал с украинскими и русскими эмигрантскими организациями – «Союзом младороссов», «Украинской громадой», занимался созданием организации «Украинское казачество», в годы Второй мировой войны был переводчиком на русский язык у венского бургомистра [13. Л. 64, 118, 122, 124, 214, 249]. Советская контрразведка работала скрупулезно – в частности, тщательно проверяла переписку Грекова. Для расследования его вывезли в Киев, где он был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей, что в его случае было равносильно смертному приговору.

Еще одним депортированным по весомым причинам был полковник Н.Н. Краснов – племянник донского атамана П.Н. Краснова. В годы Гражданской войны он был зарегистрирован в армии П.П. Скоропадского, успел послужить у красных и у белых (подробнее см. в [14. С. 18–19]). В годы Второй мировой войны он и его сын активно сотрудничали с немцами и были выданы советским представителям в Лиенце в 1945 г., после чего попали в лагерь.

Однако среди депортированных были и те, кто явно не заслуживал под конец жизни таких мучений. Полковник Мариюшкин отбывал наказание вместе с А.И. Солженицыным, который написал о нем в книге «Архипелаг ГУЛАГ». По свидетельству Солженицына, Мариюшкина и других «арестовали в пяти минутах перед гробом, привезли в Москву за несколько тысяч километров и тут в 1945 году серьезнейшим способом провели следствие... об их борьбе против советской власти в 1919 году!... Что их сегодня обвиняли и судили – никак не доказывает их реальной виновности даже в прошлом, а лишь месть советского государства: за то, что они сопротивлялись коммунизму четверть столетия назад, хотя с тех пор тянули жизнь неустроенных бездомных изгнанников» [15. С. 191–192].

Выдержать бесчеловечные условия, высылку и скитания по тюрьмам и лагерям многие из депортированных не могли. В результате депортации из восьми офицеров умерли семеро. Генерал Галкин умер в ссылке в марте 1942 г. Генерал Ерошевич, полковники Краснов, Лазаренко-Дедковский и Мариюшкин скончались в концлагерях. Генерал Синклер умер в больнице Лукьяновской тюрьмы Киева. Подполковник Парв, арестованный в 1940 г. после присоединения Эстонии к СССР, умер в Верхнеуральске в 1949 г. Полковник Шкеленко даже не доехал до СССР, так как, будучи арестован контрразведкой СМЕРШ в Праге, скончался в 1946 г. в пересыльной тюрьме города Ратибор на территории Польши. Выжить удалось, несмотря на преклонный возраст и пребывание в тайшетских лагерях, только генералу Грекову, который пережил сталинский режим, вследствие ходатайств своей дочери и австрийского правительства был освобожден и вернулся в Австрию, где написал интереснейшие мемуары и скончался в конце 1959 г.

Репрессии сравнительно благополучно пережили и умерли своей смертью в СССР после Великой Отечественной войны лишь три ветерана украинских армий – бывшие войсковые старшины гетманской армии Д.А. Мансурадзе и Д.Р. Ветренко, сотник П.Т. Пархоменко. Однако это были немногие счастливые исключения. Судьбы десятков бывших генштабистов украинских армий, оставшихся на родине, до сих пор остаются неизвестными.

Эпопея ветеранов украинских армий Гражданской войны в Советской России и СССР ничем не отличалась от аналогичной эпопеи ветеранов белых армий, сдавшихся на милость победителей. В то же время массовый переход даже военной

элиты украинских армий на сторону белых, а затем красных и тот факт, что эти офицеры предпочли остаться в России, свидетельствует о ничтожном влиянии украинской национальной идеи в их среде, о том, что в значительной степени это по-прежнему были люди, сохранившие русскую идентичность, носители русской культуры и офицеры, лишь в силу стечения обстоятельств оказавшиеся борцами за независимую Украину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 6. Д. 67093-ФП.
2. Государственный архив РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 197.
3. Российский государственный военный архив.
4. Юрий Тютюнник: від «Двійки» до ГПУ. Документи і матеріали. Київ, 2011.
5. Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002.
6. Купцов И.В., Бужков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М., 2011.
7. Голдин В.И. Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006.
8. Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Харьков, 2011–2012. Т. 1–4.
9. Ганин А.В. Гамбит Монигетти. Невероятные приключения «итальянца» в России // Родина. 2011. № 10.
10. Антонов-Овсеенко В. Записки о гражданской войне. М., 1932. Т. 3. С. 296; Фомин Ф.Т. Записки старого чекиста. М., 1964. С. 39–42.
11. З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ (Київ). 1999. № 1–2 (10–11).
12. Алексеев М.А., Колтакиди А.И., Кочик В.Я. Энциклопедия военной разведки 1918–1945 гг. М., 2012.
13. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (ЦДАГОУ). Ф. 263. Оп. 1. Д. 62149.
14. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009.
15. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ 1918–1956. М., 1991. Т. 1–2.